

Наши мирные планы

Выступая на пленуме Советского Комитета защиты мира, я по поручению наших колхозников заявила, что советское крестьянство отстаивает дело мира и идею мирных переговоров великих держав. Мир нам нужен, чтобы осуществить все задуманное на ближайшее будущее. А задумано очень и очень многое. Я расскажу об этом потому, что даже на примере нашего хозяйства можно проследить, как живут советские люди, почему они так страстно желают мира.

Наш Сарпинский район расположен в степи. Летом здесь жара поднимается до 43 градусов и выше, а зимой стоят трескучие морозы с ветрами. Еще совсем недавно считалось, что наши степи не пригодны для развития сельского хозяйства. А теперь едем из Сталинграда на машине и сразу видишь, — как оазис в пустыне, — село, утопающее в фруктовых садах, улицы, затененные сросшимися кронами деревьев, домики, строения. Да и название-то у нашего села — Садовое. В этой степи мы не только создали село-сад, организовали зерновое хозяйство, но и успешно развиваем животноводство. Сложно, очень сложно было! Успех достается труднее, чем описывают иной раз в романах. У нас много еще недостатков, трудностей, которые теперь, благодаря огромной помощи партии и правительства, будут, конечно, намного легче преодолеть.

Я не преувеличу, если скажу, что потребовались действительно героические усилия колхозников, чтобы посеять пять тысяч гектаров многолетних трав. Теперь у нас 48 тысяч тонкорунных овец, две с половиной тысячи голов крупного рогатого скота. Все стадо круглый год обеспечено кормами.

У нас достаточно хлеба, мяса, молока и других продуктов. Помимо богатого урожая, в каждом колхозном дворе — по две коровы (с моляником), по 25 овец, домашняя птица, хорошие сады. Взамен старых глинобитных мазанок сооружаются деревянные дома на две-три комнаты: с террасой, шиферными крышами. Это меняет облик села, делает его нарядным, светлым.

И это только начало больших работ. Наши мирные планы обширны. Решены в ближайшей два-три года довести поголовье тонкорунных овец до 86 тысяч, чтобы дать еще больше высококачественной шерсти на костюмы и платья советских людей. Мы мечтаем о расширении садов. Наш колхоз, расположенный в засушливой полупустыне, решил стать крупным поставщиком овощей для промышленного Сталинграда. Я называю этот план деревям потому, что еще год назад в артели было всего семь гектаров огородов, но мы обеспечили овощи даже себя. А сейчас заводем две с половиной тысячи гектаров поливных огородов. Это будет фабрика овощей.

Нам ли, советским людям, при таких планах не бороться за мир? Мы приложим все усилия, чтобы выполнять наши хозяйственные планы, которые помогут создать для страны изобилие продуктов и товаров.

Т. ВОРОНОВА,
агроном колхоза «Гигант» Сарпинского района,
Сталинградской области, член Советского Комитета защиты мира

Когда мы, участники пленума Советского Комитета защиты мира, высказались в своей резолюции за урегулирование всех разногласий между государствами путем переговоров, мы этим лишь отразили настроения и требования советских людей, их неуклонное стремление к миру во всем мире. Я заявляю это, основываясь на тех многочисленных беседах с советскими людьми, которые мне приходилось вести во время своих последних поездок по Сибири.

Расскажу о трех таких встречах. — С М. Медведевой, преподавательницей Иркутского педагогического училища, капитаном байкальского парохода Н. Марфиным и паровозным машинистом В. Рудковским. Люди они, как видите, разные по профессии, да и по годам, характерам.

Я интересовалась их думами, планами. Медведева, заслуженная учительница, депутат областного Совета, рассказывала о том, как будет благоустроен город, как расширится сеть учебных заведений, много интересного поведала о судьбах своих питомцев. Капитан Марфин удивительно рассказывал о том, как они буксуют по бурному Байкалу лес — караваны «сигар» длиной в два километра. Рудковский занят одной мыслью — как коопу пятилетия достичь экономии по эксплуатации своего паровоза до миллиона рублей.

Каждый рассказывал о своем, но у каждого планы были расставлены на многие годы мирного труда. И каждый из этих трех моих собеседников с гордостью говорил об успехах мирной политики нашего правительства.

Эту политику горячо одобряют все советские люди, потому что она полностью отвечает их жизненным планам. И каждый раз, когда нам, членам комитетов защиты мира, приходится выступать перед народом, от нас требуют усиления движения за мир, за мирное разрешение всех конфликтов и всех спорных вопросов между государствами.

Это требование мы и выразили в своем решении, принятом в Москве.

И. МОЛЧАНОВ-СИБИРСКИЙ,
писатель, член Советского Комитета защиты мира

Крупнейшая фонотека страны

Однажды аппарат, созданный человеческими руками, заговорил. Это настолько поразило воображение современников, что некоторые ученые, как это было, например, во французской Академии наук, где в 1878 году впервые демонстрировался фонограф, затопили громкую мистификацию. Запись звука тогда считалась неразрешимой проблемой.

Ныне созданы разнообразные совершенные аппараты, позволяющие записывать почти все звуки, которые способны слышать человеческое ухо. Существуют целые «фабрики звуков» — предприятия по записи музыкально-художественных и литературных произведений. Эти записи, подчас уникальные и представляющие большую историческую и художественную ценность, мы слушаем по радио.

Одной из «фабрик звуков» является Государственный дом звукозаписи в Москве, располагающий новейшей отечественной аппаратурой, кадрами квалифицированных специалистов, прекрасными студиями и лабораториями.

Как сообщила корреспонденту «Литературной газеты» в Государственном доме звукозаписи, в Москву возвратились экспедиции из Узбекской ССР. Она записала произведения Чайковского, Ипполитова-Иванова, Кальденбаума и узбекского композитора Бурханова в исполнении Государственной узбекской хоровой капеллы, отрывки из новой оперы Афшари и Васильенко о Большом Ферганском канале, отрывки из «Евгения Онегина» Чайковского на узбекском языке, отдельные арии из азербайджанской оперы «Кер-Оглу» Гаджибекова, а также много современных советских песен узбекских авторов.

Экспедиции Дома звукозаписи побывали в Эстонии, Латвии, Литве, Казахстане, в городах Российской Федерации — Новосибирске, Молотове, Свердловске, Нижнем Тагиле. В Эстонии записаны десятки новых советских песен, созданных композиторами республики, симфонические произведения, отрывки из опер и т. д. в Свердловске — детская опера местного композитора Никольской «Левуша-солдатушка» в исполнении коллектива детской художественной самодеятельности городского Дворца пионеров.

До конца года намечено провести экспедиции на Украину, в Грузию, Азербайджан, Армению и Карело-Финскую ССР. В Доме звукозаписи за двадцать лет образовалась обширная фонотека, насчитывающая десятки тысяч записей. Государственный дом звукозаписи снабжает своими записями весь Советский Союз, обслуживает ими со странами народной демократии и распространяет в других странах мира.

НАЧАЛИСЬ ЗАНЯТИЯ В НОВЫХ ЗДАНИЯХ МГУ

В полдень первого сентября начались учебные занятия на физическом, химическом, механико-математическом, геологическом и географическом факультетах Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, размещенных в новых зданиях на Ленинских горах. Здесь будут учиться вместе с заочниками 17 тысяч студентов 57 национальностей.

Перед началом лекций состоялся торжественный митинг, посвященный открытию Дворца науки. На огромной площадке перед величественным зданием главного корпуса собрались строители университета, студенты, трудящиеся столицы, зарубежные делегации, гостиные в Москве. Митинг открыл секретарь МК КПСС Н. Михайлов. С речами выступили министр культуры СССР П. Пономаренко, председатель исполкома Моссовета М. Янов, президент Академии наук СССР академик А. Несмеянов, начальник строительства А. Воронков, ректор МГУ академик И. Петровский.

По окончании митинга тов. Пономаренко от имени и по поручению Совета Министров Союза ССР и ЦК Коммунистической партии объявил новые здания Московского государственного университета открытыми.

Маргарита АЛИТЕР

Не просто корпус и здания, —
Отныне на земле живет
Еще одно тело дышащее,
Отныне, партия, народ.

Построенный в подарок людям,
Счастливым, новым, молодым,
Он подышал из наших буен,
И наши судьбы слиты с ним.
Когда, волна и тревожа,
Он вырастает на пути,
Метает старый старт моложе
И маленький — быстрее раст.

И так уж повелось в народе:
Дневные завершились труды,
Москва влюбленная приходит
К его стенам, в его сады.

Сердце людские шибче бьются,
И люди веселее идут.
И встречному не улыбаются,
Пожалуй, невозможно тут.
Сюда, на Ленинские горы,
Меж заседаниями в Кремле
Идут танчики и шахтеры,
Ученые и комбайнеры,
Солдаты мира на земле.
И с нами в радости единой,
Как в будущем своему,
Друзья из Праги и Пекина,
Пова в Москву, идут к нему.

Идут ребята после школы
На свой гражданский день
Взглянуть.
Уже с колхозных пашек пчелы
В его цветник открыли путь.

Он весь в движении, гаме, гуле,
Он в оживлении молодом.
Он весь и впрямь поток на улей,
Чудесный созданный трудом.
Фасад, как солнечные соты,
И пчелы летят сюда —
На эти светлые высоты
Науки, знания, труда.
Пора! Спасибо тем, кто строил.
Пора! Дворец вступает в строй.
Уже гудит пчелиным роєм
Его хозяин молодой.

Друзья! На новые вершины
Отныне посылает вас.
Со всей страной, семьей единой
Вперед и выше, в добрый час!

К 125-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Л. Н. ТОЛСТОГО

НА ТРИДЦАТИ ЯЗЫКАХ

Через несколько дней наша страна отметит 125-летие со дня рождения гения русской литературы Льва Николаевича Толстого. В Союз советских писателей СССР в адрес комиссии по подготовке и проведению юбилея ежедневно поступают сообщения о лекциях, докладах, чтениях, выставках, посвященных великому писателю, о новых изданиях его сочинений.

Председатель комиссии Конст. Федин в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» заявил: — Нет такого уголка в нашей стране, где народ не отмечал бы день рождения великого русского мастера слова, своего любимого писателя. В пропаганде творчества Льва Толстого участвуют лучшие прозаики и литературоведы.

Любовь советских читателей к Л. Н. Толстому, огромный интерес к его творчеству сказываются, например, в том, какими огромными тиражами расходятся его книги. Только в этом году издательства выпускают свыше 8 миллионов экземпляров книг Л. Н. Толстого на тридцати языках.

Государственное издательство художественной литературы выпустило в этом году 22 издания тиражом в 5 миллионов экземпляров. Нам обещаны новые издания «Войны и мира» в двух томах, «Анна Каренина» (200 тысяч экземпляров), сборники рассказов и повестей, ряд книг с иллюстрациями художников Е. Лансере, В. Серова, Е. Самойлова. Большой интерес представляют новые тома его полного собрания сочинений. Почти два миллиона экземпляров книг для юных читателей выйдет в Детгизе. Дети знакомятся с биографией гениального мастера слова, его прекрасными рассказами и сказками. Портреты работы И. Репина и Н. Ге, монографические плакаты, открытки выпускает Изогиз.

Свыше ста раз издавались в советские годы книги Л. Н. Толстого на Украине. Почти все основные произведения писателя вышли в Азербайджане, где ныне на азербайджанском языке готовится собрание его сочинений в 14 томах. Также же собрание сочинений готовится на туркменском языке.

В Грузии, Белоруссии, Казахстане, Киргизии, Молдавии, прибалтийских республиках, Татарии выпускаются однотомники, сборники и отдельные произведения писателя. Произведения его переводятся также на башкирский, чувашский, дагестанский, эрзянский, мокшанский, коми языки.

Трудно переоценить мировое значение автора бессмертной эпопеи «Война и мир». Во многих зарубежных странах издавались и издаются его книги, интерес к нему неизменно растет. Стоит отметить такой факт: на Западе в последние годы выросло число исследовательских работ о творчестве Льва Толстого. Вызван этот факт возросшим вниманием читателей к его сочинениям. В лондонском университете мои беседы со студентами двух колледжей подтвердили эти наблюдения. То же самое мы говорили и английские писатели.

В столицах республик и крупных городах СССР 9 сентября состоятся торжественные заседания. В Москве его устраивают Академия наук СССР и Союз советских писателей СССР. На вечере прозвучат отрывки из произведений Толстого в исполнении наших лучших артистов.

Повсеместно в городах и селах проводятся чтения произведений Л. Н. Толстого, доклады и лекции о нем, открываются выставки в клубах, библиотеках, школах. В Москве, Ленинграде, столицах союзных республик созываются научные сессии. Главное управление радиодиффузии посвящает великому писателю циклы специальных радиопередач. Сегодня мы получили сообщение из Каунаса о том, что в филиале Академии наук готовится заседание Ученого совета, в университете — научная конференция, в республиканской библиотеке имени В. И. Ленина, в музее А. М. Горького, в филиале Академии наук и университете открываются выставки, отображающие жизнь и творчество Толстого.

В Ясной Поляне экспозиция музея обогащается новыми экспонатами, многими ценными реликвиями, до сих пор хранившимися в фондах и выставленным впервые. Недавно здесь открылась выставка произведений художников, посвятивших свои работы жизни Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. Для участия в торжествах в Тулу и Ясную Поляну вылетает большая делегация Союза советских писателей СССР и Академии наук СССР. Украинский Союз писателей также направит туда свою делегацию. Группа писателей вылетит в место последнего пребывания великого мастера слова, в Астапово — ныне станция Лев-Толстой.

Отрадно видеть эту любовь и глубокий интерес к жизни и творчеству Льва Толстого, это благоговейное отношение к его памяти, — заявил Конст. Федин. — Великий художник земли русской стал в наше время истинной гордостью всех советских народов. Толстой, гений русской литературы, живет в веках, — сознание это воодушевляет нас и зовет к новой и новой творческой работе.

Собрание московских писателей

1 сентября состоялось собрание московских писателей, посвященное итогам пятой сессии Верховного Совета СССР и задачам советской литературы. С докладом выступил заместитель генерального секретаря Союза советских писателей А. Сурков.

Подробно охарактеризовав огромное историческое значение пятой сессии, направленной на дальнейшее улучшение материального благосостояния советского народа, повышение его культурного уровня, докладчик подчеркнул, что перед писателями сейчас встали новые серьезные задачи. Непрерывный духовный рост советских людей неуклонно повышает их требования к искусству. Между тем за последние время в литературе, кино, театре наблюдается известное затишье. Мало появляется ярких, глубоких, увлекательных произведений.

В заключение А. Сурков говорит о задачах улучшения работы писательских организаций в связи с новыми требованиями.

О непереносимости самоотстранения драматургов от так называемых «маленьких», будничных тем говорил в прениях по докладу Л. Ошанин. Это забвение «малых» тем произошло из-за неведения к тому, чего хочет и ждет от писателей советский зритель.

Ю. Либенский посвятил свое выступление оживлению работы творческих секций.

О борьбе за высокое качество литературы, о творческой смелости писателей в постановке острых вопросов современности говорил М. Шагинян. Она критикует работу руководителей ЦСП, которые, ссылаясь на перенасыщенность, мало читали новые книги, пьесы, сценарии и т. д. А между тем чтение, внимательное, искреннее, заинтересованное изучение произведений — первый акт руководства.

О более глубоком изучении жизни и тесном общении с народом говорил М. Прилежаева.

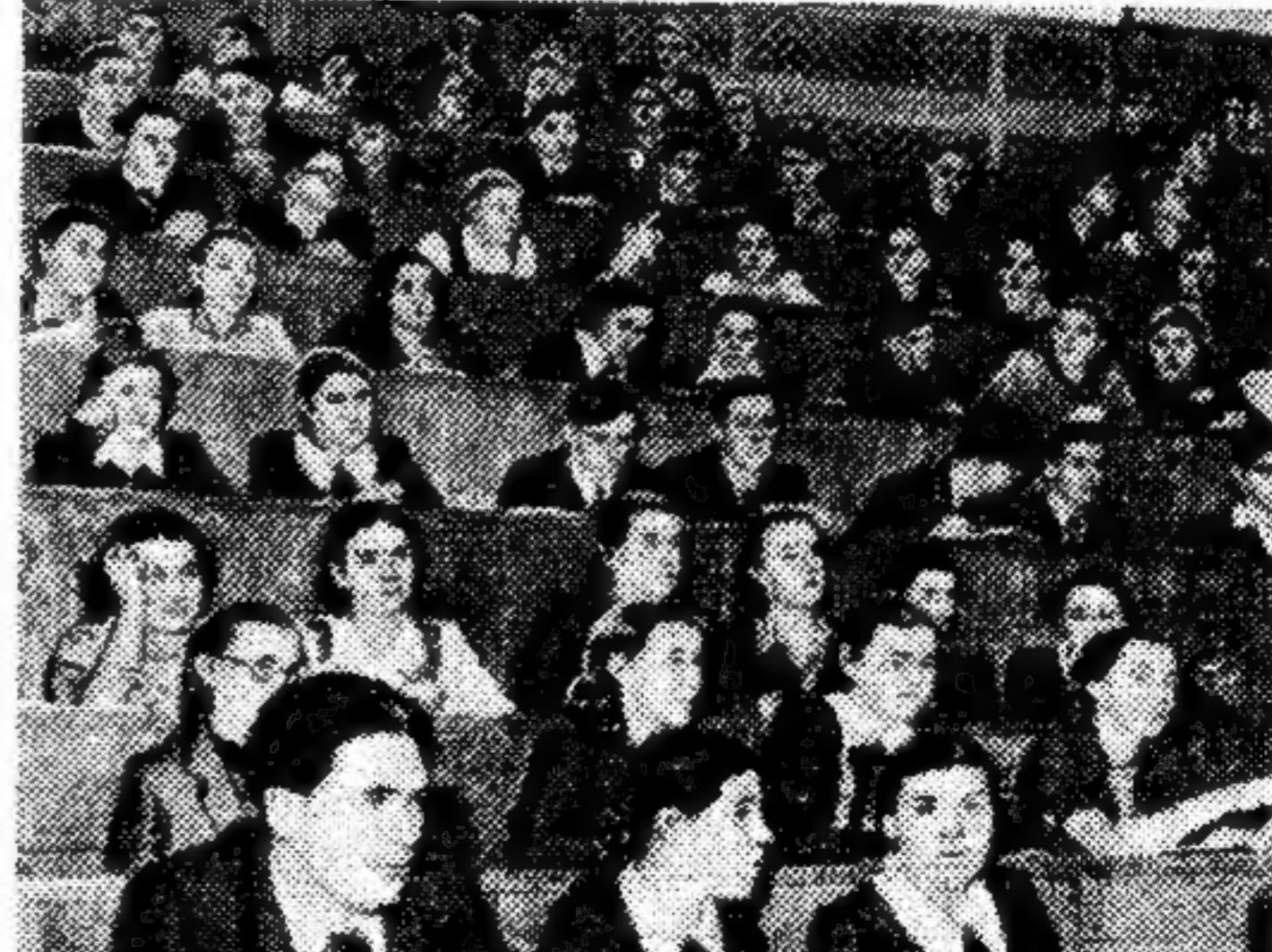
С. Васильев напоминает об одном незаслуженно забытом жанре — жанре литературной пародии, имеющем богатые традиции в русской литературе. Это блестящее оружие критики и самокритики, говорит С. Васильев, помогло бы быстрее навести порядок в литературном хозяйстве.

— Решения пятой сессии Верховного Совета СССР обязывают советских людей умножить свои трудовые усилия, требовательно, взыскательно относиться к своей деятельности, — сказал в своем выступлении К. Симонов. — У писателей пока нет никаких оснований быть довольными своей работой. Сильно отстают наше кино. И оно до тех пор не двинется вперед, пока план кинематографии будет составляться на основе анкет, а не на основе полнотных сценариев.

Советская литература — литература великой жизненной правды. Стремление лакировать, приукрашивать жизнь — это не просто черта характера того или иного автора, а в конечном счете проявление неверия в силы народа, в его разум, в его способность преодолеть любые трудности. Поэтому оно решительно должно быть осуждено. Нам многому учит пятая сессия Верховного Совета, на которой со всей прямотой обсуждались недостатки на отдельных участках нашей народной культуры.

Все выступавшие выражали уверенность в том, что наша советская литература сумеет преодолеть свои недостатки, поднимется на уровень новых, возросших требований народа.

В ДОБРЫЙ ЧАС!

Студенты 1-го курса на лекции в большой географической аудитории. Фото А. Батанова

САТИРА ТОЛСТОГО

В девятом номере «Нового мира» напечатана статья Марка Шаглова «Особенности сатиры Льва Толстого». Особая конкретная тема, автор вместе с тем на примере Толстого ставит общий важный вопрос: как же осмысливать сатирическое в литературе? Основываясь ли в определении сатирического только на формальных жанрово-видовых особенностях, так обстоятельно описанных в старых теориях литературы? Тогда Толстой с его «Воскресением», с «Анной Карениной», с замечательными обличительными страницами и портретами из «Любимых», «Войны и мира» остается за пределами сатиры. Или же, наоборот, отказываясь от школярского, узкого, догматического подхода к сатире и от живущего еще метафизического представления о якобы неподвижных и неизменных жанрово-видовых границах и признаках во все времена, во все эпохи? Практически же это означает для литературоведа и критика — перестать искать формальные аналогии, наивно считая, что все многообразие и богатство сатирического искусства русской классической литературы к двум-трем образцам: попыткам конкретно-исторически осмыслить и объяснить существо сатирического искусства в Гомера, в Шекспира, в Чехова, и Толстого во всем их индивидуальном художественном своеобразии. Только в этом случае критический анализ будет иметь серьезное значение, только этим путем мы сможем осуществить столь необходимое нам творческое взаимодействие между богатейшим художественным опытом прошлого и живым, неустанно развивающимся опытом настоящего. Такова — в своей методологической направленности — статья М. Шаглова, и она представляется нам правомерной.

В статье содержится немало свежих наблюдений над тем, как мастерски лепит Толстой сатирический тип, как он, показывая постепенно одну за другой, казалось бы, мелкие и почти ускользающие от внимания сатирические детали, в конце концов выставляет перед читателем сразу же заставивший образ светиться изнутри всеми цветами и переливами сатирического спектра. Художественное своеобразие сатиры Толстого последнего периода, как убедительно показывает М. Шаглов, неразрывно связано с идейной позицией писателя.

Таковы, на наш взгляд, положительные черты статьи М. Шаглова, развитые и выраженные им в большей или меньшей, ясности. Однако с автором статьи никак нельзя согласиться, когда он как-то незаметно для себя сводит существо сатиры лишь к «сатирической категории», к одному из видов «идеально-эмоционального отрицания, изображения». Слов нет, «идеально-эмоциональное отрицание» играет в реалистической сатире важную роль, но оно правомерно и действительно лишь в том случае, если соответствует социальной сущности изображаемого, его порождению и обусловлено. Без соблюдения этого единства нет и не может быть реалистической сатиры.

Еще более странно в статье автора, разглагольствовавшего против всякого догматизма, встретить вдруг утверждение, будто бы сатирический образ, чтобы быть истинно сатирическим образом, не должен сохранять «форму элементарного правдоподобия», а обязательно должен подвергаться «гендерной деформации», «искажению». Ну, а если такой художник, как Чехов, напишет остро сатирический образ, например унтера Пришибеина, и в то же время вплоть до бытовых деталей сохранит «форму элементарного правдоподобия»?

Как указывалось выше, теоретически М. Шаглов вполне справедливо ругает против нередко встречающегося в критике забвения индивидуального своеобразия художника, против формального уподобления, например, своеобразного сатирического искусства Толстого не менее своеобразному и глубоко самобытному искусству Гоголя или Шекспира. Но практически в плену этого предвзвешенного нередко оказывается и сам Шаглов, когда, например, пытаясь уподобить бороду «нашего героя» Ивану Ильичу, растущую «на свободе», переполненному символами либеральных «свобод». Подобные натяжки, очевидно, в силу дурной инерции, встречаются, к сожалению, в этой интересной статье.

В. ДОРОФЕЕВ

О ГЕРОИЗМЕ НАРОДА

«Набег», «Рубка леса», «Разжалованный», «Севастополь в декабре месяце», «Севастополь в мае», «Севастополь в августе 1855 года» — шесть рассказов, разбросанных в статье Б. Бурсова «Военные рассказы Л. Н. Толстого» («Звезда», № 9). Они были изучены довольно тщательно и прежде. Говорится ли о них что-либо новое?

«Если», пишет Б. Бурсов, «мы сопоставим во внутреннем содержании военные рассказы Толстого и его автобиографические повести, то увидим общность между ними, на первый взгляд совершенно непохожими произведениями». И выраженные в словах этих стремление проникнуть в глубь «внутреннего содержания» художественного произведения — плодотворно.

Статья дает представление о месте, которое занимают военные рассказы Толстого в его творчестве. Видно, как мысль о высоком значении человека связывает их с «Севастополем», «Остречевым» и «Юности». Дана в статье и перспектива дальнейшего идейно-художественного роста великого писателя: по верному замечанию критика, важнейшие принципы построения образа, развитые в «Анне Карениной» и «Смерти Ивана Ильича», начали складываться еще в рассказах о героях Кавказа и Севастополя.

Краткое исследование представляет собою как бы главу из большой книги — «Толстой и Россия». Широкий круг проблем творчества Толстого охватывает статью, но широта ее возникает отнюдь не в ущерб глубине. Внимание литературоведа сосредоточено на своеобразии разбираемых рассказов, на отличиях их от предшествующих и последующих художественных произведений великого писателя.

Русский народ — великий образ рассказов Толстого. Образ этот несет на себе печать времени, предшествующего революционной ситуации шестидесяти годов. Толстой предвидел: великие перемены ожидают Россию, нужно трудиться и мужаться, чтобы участвовать в важных минутах ее жизни. Предчувствие это вложил он в создание художественных портретов стойких защитников Севастополя и солдат-казаков. Основная тема рассказов — народный героизм, — возникнув из впечатлений настоящего, связывалась с раздумьями писателя о будущем творца истории — народа. Связь эти внимательно проследены в статье.

Продолжается в ней и постепенное развитие основной темы и основного образа

рассказов: сначала — пристальное внимание писателя к храбрости отдельных солдат, потом — постепенное перерастание темы храбрости в тему любви к отечеству, далее — сдержанный, мужественный гимн героизму русского народа.

По-новому освещены некоторые из особенностей построения художественного образа. Солдат-крестьянин пришел в Севастополь «от сохи». Офицер-аристократ приносит на бастионы нравы и понятия петербургских гостиных. Действуют же они иной раз, казалось бы, одинаково; и тому и другому присуще сознание своего долга. Но у солдата сознание долга вытекает из его преданности отечеству, в то время как у части офицества чувство долга проявляется лишь внешне и связано с дворянскими предубеждениями. Так в «Севастопольских рассказах» находит свое резкое противопоставление «мужика» и «барина».

Не всегда сохраняют литературоведы ясность и точность. В работе его есть немало удачные упущения, слишком «приблизительные» формулировки. Например, решая важнейший из вопросов, встающих перед исследователем раннего творчества Толстого, — вопрос о характере его мировоззрения, Б. Бурсов пишет: «В отношении к народу Толстой (до перелома его мировоззрения) был как стоял между Пушкиным и Гоголем, с одной стороны, и революционными демократами — с другой. Он был близок и тем и другим, но и от одного и от другого». И вывод: «Отличие Толстого заключается в том, что он не на время, а навсегда хочет стать простым человеком». Все это не очень ясно.

Б. Бурсов прав, подчеркивая, что для Толстого не было разрыва между Россией «мужика», солдата и России «офицерской», помещицы. Но, проводя эту мысль, он иной раз впадает в схематизм, в упрощение, идущую от упрощения примитивность. Слишком резко разделяет он героев Толстого на «сплохо-идеальных» — это всегда солдаты и «отрицательных» — это всегда офицеры, несправедливо тресет и себодобры. «Герои описаны здесь слишком однолинейно, слишком однопланово», — говорится о последнем из «Севастопольских рассказов». Но согласиться с этим трудно.

На деле же были в числе севастопольских героев и Нахимов, и Корнилов, и офицеры, черпавшие в солдатской массе мужество и патриотизм. Многогранно рисуется действительность и в «Севастопольских рассказах».

«Толстой подходит к правильному пониманию причин возникновения войны... Толстой подходит здесь к выяснению социальных-исторических причин, порождающих войны», — пишет Б. Бурсов. Вряд ли верно и это. Во всяком случае прощитываемые далее слова Л. Толстого, призывающие доказать положение литературоведа, опровергают его: причины возникновения войны писатель видит в тщеславии, в алчности отдельных личностей, «маленьких Наполеонов».

Литературовед стремился показать, как правда жизни воплощалась в военных рассказах Л. Толстого. К сожалению, ему не во всем удалось выполнить эту задачу.

КРЫЛАТАЯ МЕДИЦИНА

Повесть молодого писателя, врача П. Фогеля «Крылатая медицина» (Одесса, 1952 г. 267 стр.) читается с интересом. В ней много познавательного, поучительного. Автор рассказывает о скромных подвигах работников санитарной авиации — врачей, сестер, санитаров, летчиков.

В отдаленные селения, в «глубины» вылетает самолет с красным крестом на крыльях. На борту — известный хирург, спешащий в районную больницу на неотложную операцию, или санитарка, доставляющая консервированную кровь, или лектор, которого жгут в далекой деревне. Преодолевая трудности неслетной погоды, пилоты проявляют величайшую изобретательность и смекалку в борьбе со стихией. Гуманная цель влечет их вперед, днем и ночью, зимой и летом, в любую погоду.

Автору удалось правильно рассказать о становлении новой формы медицинской помощи населению. Не все дается легко авиатнику молодой станции санитарной авиации Бугрову. Не без труда новое начинание пробивает себе дорогу. Мешает этому заведующий областной здравотделом, чиновник и формалист Дубовый, убедительно нарисованный автором. Писатель не боится сталкивать Бугрова и Дубового в острейших жизненных конфликтах.

Тепло рисует автор рядовых медицинских работников — борт-сестру Кириллову, санитарку Машу, главного хирурга областной больницы Ойниченко, молодого сельского врача Костыриного и других, самоотверженно выполняющих свой долг.

Достоинство книги — в ее достоверности, искренности. Удач писателя, литературных удач в книге значительно меньше. В тех случаях, когда Н. Фогель отвлекается от дела, от технологии и пытается раскрыть внутренний мир героев, показать их семейные отношения, взаимное влечение, — перо изменяет ему. Так, например, взаимоотношения Бугрова со своей женой и сыном нарисованы бледно. Так же маловероятно описана любовь борт-сестры Кирилловой и летчика Яковлева. Заключенный бюрократ Дубовый осознает свои ошибки мгновенно, без труда и внутренней борьбы. Не веришь этой «перестройке».

Врач часто «подавляет» писателя. Автор подчас затормаживает повесть неумными технологическими и ведомственными подробностями, превращая многие ее страницы в добросовестные записки руководителя станции санитарной авиации, но лишая их художественной ценности.

А. Б. БИЛИНОВ

ПОВЕСТЬ ОБ ИЗОБРЕТАТЕЛЕ

Книга К. Боголюбова «Связанные крылья» (Свердловск, 1952, 246 стр.) рассказывает об изобретателе Ефиме Ефимовиче, который усовершенствовал прокатный станок, что дало возможность прокатывать большие листы кровельного железа. Уральское кровельное железо в то время (начало XIX века) славилось по всему миру, и изобретение Ефимовича имело огромное значение. Благодаря его изобретению станки можно было вдвое увеличить производительность труда.

Судьба Ефимовича Бобылева печальна. Он принимал участие в борьбе уральских рабочих с заводчиками, обвиняя во многих «шумствах». Когда он пытался расширить сферу применения изобретения, его обвинили в краже секретов, и в результате, после многих страданий, Ефимович Бобылев умер под пытками.

Основой для повести послужили материалы следственного дела, находившиеся в Свердловском государственном областном архиве. Автор хорошо знает материал, он показывает широту интересов Бобылева, его попытки ввести «огнедействующие машины» на помощь волевым колесам. Но автор, показывая горестную судьбу изобретателя, меньше уделял внимания его труду.

Описание изобретения занимает в книге буквально считанные строки. Не совсем понятно в повести, почему заводчики борются с «огнедействующими машинами» Бобылева, а между тем из работы В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» мы знаем: «Главной причиной застоя Урала было крепостное право; горнопромышленники были и помещиками и заводчиками, основывая свое господство не на капитале и конкуренции, а на монополии и на своем владении правами». В применении к этому В. И. Ленин писал: «При освобождении крестьян уральские горнопромышленники особенно настаивали и настояли на сохранении закона, запрещающего открытие в заводских округах огнедействующих заведений».

В книге К. Боголюбова мы еще видим относительный расцвет уральской металлургической промышленности, основанной на крепостном праве. Об Урале этого времени написано мало, причем написано так, что высота уральской металлургии, ее передовые черты заслоняются изображением, с одной стороны, произвола помещиков, с другой — патриархального раскольников быта. Мы все время говорим об умельцах, но умел не один, не два человека — была огромная традиция умения, была своя техническая культура, и без показа ее, притом показом подробным, разнузданным, нельзя реалистически показать жизнь края.

В книге бегло упоминается механик Лев Фомич Сабаккин. Автор показывает его глубокомысленным, человеком оптимистичным, не интересующимся жизнью. Мне кажется, что это неверно. Мы знаем Сабаккина энергичным, спорным, борющимся.

Художественное мастерство автора не только и мало изобразительно. Приведем один пример: Алексей Иванович Яковлев, крупный заводчик, получает за изобретение Бобылева золотую медаль. Это очень типичное явление для того времени. В туле хранился модель станины интересной конструкции, датированная 1806 г., но на станке указана не фамилия его изобретателя. Вероятно, изобретателем был Суриин, а проставлена фамилия одного полковника артиллерии. Таким образом положение, о котором говорит автор, совершенно реально, но способ повествования наивен.

Яковлев едет в гости хвастаться медалью: «Накинув на плечи шинель с пушистым меховым воротником, он спустился по каменной лестнице. У крыльца стояли легкие, изящные санки, запряженные парой». Вот и все. К сожалению, так же невыразителен и пейзаж.

Из текста мы узнаем о страданиях людей, об их намерениях, но не о их характерах. Творческий процесс — самое интересное в описании жизни изобретателя — почти совсем не дан.

Книга добросовестная, интересная по теме, написанная знающим человеком, еще недоработана. За жизнью Ефимовича Бобылева можно показать жизнь Урала и его большую, многим достижениям созданным техническую культуру.

В. ШКЛОВСКИЙ

УВИДЕНО ПО-СВОЕМУ

Небольшая книжка Василия Субботина «Стихи». Крымскант. 1953. 70 стр.) напоминает читателю события военных лет, есть и образы, навеянные послевоенной стройкой (автор берет участие жизни, хорошо знакомые ему, — Крым и Урал).

Книга от начала до конца лирична, и в основе не потому, что многие стихи написаны от первого лица: почти на всех страницах книги есть не скрываемое автором отношение к миру, и это является определяющим в работе лирического поэта.

Часто своеобразие художника проявляется там, где он может по-своему, как никто до него, написать о вещах, много раз воспринятых, притом большими мастерами. Сколько стихов написано о море! Но вот восьмистрочные Василия Субботина:

Я видел, как смотрит на море
Малыш, вырывающийся из рук.
Каким изумлением во взоре
Сменяется первый испуг.

На реде качаются бонны.
Закрывает волна небосвод.
Галайт удивленно ребенок
И ладушки-ладушки бьет.

Это увидено по-своему. Василий Субботин пишет очень короткие стихи. Это — трудное дело, требующее умения выбирать, обобщать, типизировать. О блиндаже поэт пишет:

Вода секунды звонкие на стол
Роняет с круглых темных потолочин.

Это — точно, зримо; почти физические ощущения, что с потолка ежесекундно падают капли, что они, звеня, как бы отсчитывают время.

В маленьком стихотворении, где каждая строка на виду и в буквальном смысле слова на счету, все должно быть написано верно и точно. Каждая нежность, небрежность, ошибка предстает перед читателем крупным планом. «На сером фоне разрушений» — эта строка-зачин из восьмистрочного стихотворения — не образ, а небрежная подмаловка, который не должен был пойти дальше черновика автора.

Верно схваченная реалистическая деталь нужна поэту, как земля, по которой он ходит. Василий Субботин любит детали. Но порою его стихи перегружены случайными подмеченными частностями. Вот стихотворение «Осеню». Колхозная трехтонка везет арбузы, на зиму перекрыты дома, школьники сели за тетради, прокричали журавли и т. д. и т. п. Количество деталей можно увеличивать, а можно и уменьшать. Деталей много, а картины нет. Поэт за деревьями не увидел леса.

Вспомним творческую деталь осени: «...паутины тонкой воле блещут на праздной борозде». Одна такая деталь способна сделать картину и достоверной и предельно приближенной к глазам читателя. Равнодушное перечисление противопоставлено поэзии. В одном из своих произведений («Старатель») поэт высказывает сожаление:

Мы вместе, приятель,
С тобой в пути.
Я тоже старатель,
Мне б слово найти.

Это верно. Поэт должен думать не о том, что уже найдено, а о том, что еще предстоит найти.

Л. С. ОЗЕРОВ

„Доктрина“ Мориса Надо

В. НИКОЛАЕВ

Французский литератор господин Морис Надо выдает себя за человека, мыслящего оригинально и независимо. «У меня нет ни доктрин, ни систем», — не признает ни к какому приходу, — торжественно заявляет он, представляя читателя на страницах своего сборника статей «Современная литература», вышедшего в 1952 году*. Читая это заявление господина Надо, трудно сдержать усмешку. «...Не принадлежу ни к какому приходу...» Кто из современников господина Надо не утверждал и не утверждал подобно? Показное провозглашение независимости своих взглядов уже давно стало характерной чертой буржуазной критики.

Пет, господин Надо решительно не оригинален в этом своем заявлении. Не оригинален он и во всех своих статьях и сочинениях. Он утверждает, что у него нет ни того, ни другого. Не будем торжествовать, верить господину Надо на слово, обратимся к его сочинениям, они помогут нам разобраться в его взглядах на современную критику, и в том, почему он пытается изобразить себя «свободным мыслителем».

Как и вся реакционная французская критика, Морис Надо, работавший перед американцами, старательно содействует насаждению растительной американской литературы во Франции. И это можно было бы назвать первым пунктом доктрины Надо.

«...Нас интересуют американские писатели младшего поколения», — писал Морис Надо в январе 1951 года в статье, на все лады расхваливавшей современную американскую литературу. Восторгу господина Надо привели не какие-нибудь стихотворения красоты, содержащиеся в произведении лирических его сердцу реакционных американских писателей, а то, как они трактуют «великий вопрос: война, политика, социальные состояния». У идеологов американского империализма предлагается г-ну Надо учиться французским писателям, их отравленные книги хочет он видеть в руках французского читателя.

Реакционная французская литературоведение, оказывая посильную поддержку идеологии «европейского сообщества», усиленно стирает грани между национальными литературами. «Европеизм» по праву может быть назван вторым пунктом доктрины Надо.

Морис Надо называет своими «соотечественниками» всех писателей, которые «принадлежат отныне к нашей великой родине — Европе». «Мы все», — говорит он, — находимся на одной галереи, и это не только литературная галерея. Кто же эти «мы»? От имени которых выступают здесь г-н Надо? «Гребцы на европейской галереи» похоронены им один к одному. Это такие материальные реакционеры, как английский писатель-человеконравист Джонатан Свифт, итальянский писатель-регент Игнатий Силоне, преематель своего народа румынский писатель Георгию и другие.

Хор этих грязных дельцов от литературы, которые никогда не имели и не имеют ничего общего со своим народом, г-н Надо называет «нашим голосом». Как известно, этот «голос Европы» старательно подпевает «Голосу Америки». Потому-то он так дорог и мил г-ну Надо, пропагандисту отравленных космополитических идей.

Обливать грязью лучшие национальные традиции и выдавать за «воплощение французского духа» всякую нечисть — это третий пункт доктрины Надо.

В то время, когда народы чувствуют Виктора Гюго и Коперника, Гоголя и Авиценну, всех, кто свет и красоту человечеству, Надо и ему подобные завлекают из сырца истории презренные тени.

Извращенное творчество маркиза де Сада — вот кумир, которому поклоняется г-н Надо и которому он хочет заставить поклоняться других, чтобы сыскать «на примеры прошлого» оправдать дикую патологию нынешней буржуазной литературы.

От автора восторженного исследования о «творчестве» пресловутого маркиза де Сада не приходится ожидать сколько-нибудь правильной оценки великих писателей прошлого.

Вот пример того, как «критик без доктрин и систем» излагает сущность творчества Балзака. Согласно новейшим открытиям Надо, целью творчества великого романиста является... «создание мифов (внутренних личной организации и философии), изгнание путем писания таинственного из мира, тоски из человека, сверхъестественное видение и поиски абсолют (по ту сторону пространства и времени), сращивание ангельского и сатанинского». Французский прогрессивный критик Жан-Луи Сорель назвал это изречение г-на Надо «чистейшим бредом». Нельзя не присоединиться к его мнению, но нельзя и особенно удивляться тому, что из-под пера г-на Надо выходят такие строки.

Реакционная французская критика клеветает на молодую прогрессивную литературу Франции, на писателей, которые следуют в своем творчестве по пути социалистического реализма. Г-н Морис Надо и по этой части, которую можно было бы назвать четвертым пунктом его доктрины, не отстает от других.

В прошлом году он выступил с развязной клеветнической рецензией на роман Андре Стяля «Первый удар», обрушившись на общие принципиальные особенности произведений социалистического реализма.

Чем же не по душе социалистический реализм г-ну Надо, стремящемуся разоружить читателя, лишить их веры в литературу высоких и честных идей? Что не нравится ему?

Прежде всего то обстоятельство, что «коммунистический роман» (так г-н Надо называет произведения, подобные роману

Андре Стяля)... крайне ограничен. Эта его ограниченность, по г-ну Надо, состоит в том, что он может быть только назидательным. Мораль, так сказать, покаяния роман (г-н Надо не просто сожалеет, он скорбит). Но г-н Надо — не какой-нибудь бесстрастный летописец фактов, он смело прибегает к анализу. Ларчик, оказывается, открывается очень просто. «Член партии, — укоризненно рассуждает Морис Надо, — ...затаял целью бороться против зла, за торжество добра. Приветствуется все, что способно содействовать торжеству добра...»

Но, может быть, г-н Надо слышал о славных традициях классической литературы, выраженных Пушкиным, в том, что его лабра пробулала добрые чувства в народе? «Пробуждать чувства добрые», поднимать массы к высотам культуры, к великим и благородным целям — в этом особенность всей передовой мировой литературы. Г-ну Надо позалогось бы знать, что и пламенный Виктор Гюго и Роман Роллан своими произведениями также стремились пробуждать чувства добрые, и это является прекрасным достоинством их произведений. Но для Надо добро и литература — понятия несоместимые.

В своем стремлении обогатить метод социалистического реализма г-н Надо договаривается до того, что пытается представить его в виде свода каких-то догматических законов, согласно которым пишется книга. О какой правде жизни может идти речь, сетует г-н Надо, если... «в СССР сейчас установлен презумпция, согласно которой герои должны быть избавлены даже от физических недостатков...» Последовательности ради г-ну Надо остается заодно сообщить своим читателям, что вслед за установлением этого предела также идет, как «Повесть о настоящем человеке» и «Как закалялась сталь», были немедленно изъяты из всех советских библиотек.

Сколько Надо может, столько и хитрит. Как может, так и обманывает, как умеет, так и лжет. Он обвиняет теоретиков социалистического реализма в том, что якобы игнорируют художественное мастерство, что форму и всякое стремление художника совершенствовать средства выражения они называют формализмом.

Такие откровения никак нельзя объяснить безобидной наивностью или невежеством Мориса Надо. Французская прогрессивная печать за последние годы широко освещала подлинные взгляды на художественное мастерство, которых придерживаются последователи социалистического реализма.

Высказывания А. А. Жданова, многочисленные статьи и сочинения и передовые французских писателей и критиков, подтверждающие суровому порицанию несовершенные произведения литературы и искусства, требующие неустанной работы над их художественной формой, — все это не может быть не известно Морису Надо. Французская передовая критика справедливо писала, что «социалистический реализм приводит художника и писателя в такое состояние, когда все элементы творчества — тема, сюжет, композиция, форма и т. д. — соединяются в синтезе».

Г-н Надо знает об этом, но его хитрость позволяет ему лгать, и он лжет. Почтенный критик в статье о «Первом ударе» много рассуждает о форме, но рассуждения эти вызваны прежде всего тем, что ему не нравится содержание романа Стяля. «Автор доказывает, что против американцев нужно организовать новое «сопротивление», — с нагнанным недоумением пишет Надо. К чему?! Зачем?! По его мнению, американцы не перешли «предела», дозволенного в мирное время. Г-н Надо знает, что факты не на его стороне, и поэтому предпочитает говорить о содержании «Первого удара» вскользь, мимолетом, подгадывая на то, что ему поверят на слово, стремясь потопить вопрос о содержании в разглагольствованиях о форме, также не подкрепленных никакими фактами.

Г-ну Надо неприятно, что во Франции все больше появляется правдивых книг, содержанием которых является борьба французского народа за мир, за хлеб, за национальную независимость. В центре этих книг — французские патриоты, французские коммунисты, люди, достойные того, чтобы быть предметом положительного изображения в произведениях искусства. И такие, например, книги, как «Первый удар», как роман Арагона «Коммунисты», действительно прославляют лучших людей Франции и убеждают, вопреки стараниям Мориса Надо и его соратников, в том, какой жизненной силой является клевета на французских коммунистов, распространяемая реакцией.

В романах Андре Стяля и Арагона противоречивые явления жизни, так же как и противоречивое развитие характеров, изображены с правдивостью высокого реализма, которому присуща не только точность детали, но и умение при передаче частного видеть общее, видеть движение этого общего, его объективное развитие. Разве не пафос развития, сложного и трудного, неизменно и закономерного развития французского общества середины XX века является душой романа Луи Арагона?

Морис Надо мог бы с успехом обогатить Балзака, заявив, что великий реалист по готовому рецепту показывал исторические верную картину падения излюбленных им аристократов и возвышения буржуазии. Но кто «завербовав» Балзака? Кто в этом обвинит Надо? Балзака завербовала правда истории, правда жизни, которой следовал великий художник, так же, как следуют ей замечательные реалисты нашего времени — Андре Стяль, и Луи Арагон, и многие другие.

Схематизм, отсутствие живых многогранных характеров — вот недостатки, которые пытается объявить Надо характерными для метода социалистического реализма. Но сколь несостоятельны на вся эта мелкая ложь, можно судить хотя бы по статье известного режиссера и театрального критика Жан-Луи Бори, напечатанной в буржуазном журнале «Леттер де Ланс». Речь в этой статье идет об «Оптимистической трагедии» В. Вишневского.

Поставленная в Париже, она привлекла большое внимание публики.

Высоко оценивая «Оптимистическую трагедию», Жан-Луи Бори писал, что она увлекает, «потому что герои пьесы живут... они не абстрактны, они не исторические марионетки. У них свои недостатки, им везет и грустно, и любовь, и честолюбие, и заблуждение... Вишневский ни разу не прибегает ни к вымышленным образам, ни к благожелательной иллюстрации для поучительного календаря».

Нет, не там, где следует, ищет литературу, изготовляемую по рецептам, наш «критик без доктрин и систем». Ему, например, стоило бы заинтересоваться пьесой Робера Бова «Величайшее оскорбление», в которой повествуется о некоей оккупированной стране. Где женщины называют офицер оккупационной армии, при чем муж, записавший перед оккупантами, утешается мыслью, что жена его изнасилуется не кем-нибудь, а весьма высокопоставленной особой. Выведенный в пьесе поэт, ранее признававший в своих стихах к борьбе за независимость, с приходом оккупантов быстро меняет взгляды, уничтожает свои стихи и начинает старательно служить захватчикам. Мораль этой пьесы вполне очевидна: прислуживая оккупанту, расставляйся перед ним, даже если он оскорбляет твою дочь, лжой на свои убеждения, топчи их в грязь. Разве мало произведений написано по этому рецепту?

Или вот еще один репет. По этому рецепту пишется десятки романов с единственной целью обогатить компартию, коммуниста, показать их людьми несомыми, мятущимися и приходящими в выводу о необходимости покинуть ряды партии. Г-ну Надо, вероятно, нетрудно будет вспомнить романы Раймона Абелло, пылчайшие клеветы на компартию и коммунистов.

Кстати сказать, критика, прославляющая подобные «произведения», отнюдь не обнаруживает в них художественной беспомощности. Очевидно, они считают, что в этих антикоммунистических «шедеврах» все ублажено с лихвой воспламеняется грязью и срамом.

В полемическом зоре г-н Надо обрушивается и на Александра Фадеева, в частности, за то, что писатель этот не озабочен высказываниями о привазики художника смотреть вперед, в будущее. Это вполне справедливое положение г-н Надо ловко противопоставляет объективному показу действительности, против чего якобы выступает Фадеев. Советские писатели никогда не были против объективного показа действительности, и даже больше — именно за объективный, правдивый показ они и ратуют. Но, в сведении г-на Надо и ему подобных, этот объективный показ действительности, основывающийся на принципах передового научного отношения к действительности, на политической зоркости художника, не имеет ничего общего с буржуазным объективизмом, пытающимся слепо следовать за фактами, не разбираясь в их сущности и значении, и тем самым сводящим литературу к натурализму.

Еще в двадцатых годах, выступая против объективизма Тана, Анри Барбюс писал, что пресловутая «объективность» Тана — ложь. Если писатель не выражает своего отношения к действительности, если он равнодушен и безразличен к социальной жизни общества, то его увидит его в богатой реакции, влечет за собой творческую гибель художника.

Писатель нового типа, как об этом хорошо сказал Андре Стяль, является писателем-бойцом, стоящим в гуще проблем, которые тревожат, захватывают и волнуют весь народ. Он не может быть только свидетелем, бесстрастным очевидцем событий. Писатель не может быть также пассивным эмпириком, не заглядывающим в будущее человека и человечества, в будущее своей страны. Барбюс, призывая писателей показать величайшую несправедливость общества, организующего войны, считал необходимым для писателя «смотреть в будущее», раскрывать его. «Пусть же писатели выдают перед собой ясно и далеко, и пусть они говорят правду», — писал этот выдающийся художник и общественный деятель демократической Франции.

Передовые писатели современной Франции видят перед собой ясно и далеко, они пишут правду, а грубая клевета на прогрессивную литературу, которую свет в своих статьях Морис Надо и подобные ему, пытаются вызвать отвращение даже у людей, весьма далеких от коммунистической партии.

Честные писатели из буржуазного лагеря постепенно убеждаются в том, что политика и мораль современной правящей верхушки становятся все более антигуманными, антидемократическими, порывающимися к интересам нации, народа, интересам подлинной культуры и цивилизации. Некоторые писатели, выступавшие ранее с «честными» романами, сейчас отходят от своих излюбленных тем.

Бессилие и вырождение бур

МИЛИТАРИСТСКИЙ СОЮЗ АДЕНАУЭРА СО „СТАЛЬНЫМ ШЛЕМОМ“

24 февраля 1951 года в боннском «рейхе» было объявлено о возрождении «Стального шлема». Это было сделано, конечно, не без ведома г-на Аденауэра. Но если факт появления на политической арене Западной Германии этой старой организации германских милитаристов и был встречен с удовлетворением боннской кликой, то у миллионов немцев он вызвал чувство серьезной тревоги.

Мне вспоминается архивариус городского магистрата в Хемнице (ныне — город Карл Маркс-штадт) Курт Штраус, болезненный человек, искалеченный в годы войны. Говоря об активизации милитаристских фашистских организаций в Западной Германии, он произнес тогда тоном глубокого убеждения:

— Раз опять появился «Стальной шлем», появится и новый Гитлер... Если, конечно, наш народ не обуздает эту банду.

У Штрауса — жизненный опыт человека, побывавшего в масюрских двух мировых войн, разважанных германскими империалистами. Его специальность — история родной страны. Поэтому архивариус знает, что говорит. Во время нашей беседы он показал мне несколько фотоснимков, хранящихся в городском архиве. На одном из них был заснят расположенный на главной площади города отряд упитанных молодчиков, экипированных на военный лад в массовых шлемах. Под снимком стояла дата: «1925 год».

— Вот они, предвестники, — шелкнув пальцем по фотографии, заметил Штраус. И тут же показал другую, помеченную 34-м годом. На той же площади, перед средневековой городской ратушей был запечатлен парад коричневой «гвардии» Гитлера — штурмовиков.

— А вот и продолжатели!

Эту преемственность, подчеркнутую архивариусом Штраусом, отчетливо понимают ныне миллионы простых людей Германии. Слышком живы, неизгладимы в памяти события германской истории последних десятилетий. Анализируя их, нетрудно понять, что «Штальгелд» — «Стальной шлем», созданный усилиями германских империалистов, жаждущих реванша после поражения в первой мировой войне, расстилал дорогу гитлеровским агрессорам.

Теперь «штальгелд» снова нужен тем, кто выступает против создания единой, демократической, миролюбивой Германии, кто хочет превратить страну в очаг новой войны в Европе. Именно поэтому канцлер Аденауэр и его правительство благословили возрождение «Стального шлема», а их заокеанские покровители всесторонне поддерживают и оберегают этот союз ландешных агрессии и реванша.

Для того, чтобы было понятно, какова роль предназначается «Стальному шлему» в нынешней боннской «республике» Аденауэра, напомним кратко прошлую историю этой организации.

...Ноябрь 1918 года. Прошел последний час кайзеровской Германии. Волны революционного подъема потрясали цитадели русских королей и прусских юнкеров. Но контрреволюция уже собирает силы. Одним из ее ударных отрядов и становится «Стальной шлем». Его возглавил кайзеровский офицер, фабрикант Фриц Зельте.

«Независимая организация бывших фронтовиков... Чужое политическое братство товарищей по оружию». Такова была лживая вывеска «Стального шлема». Под этой вывеской зрела, множилась численно, накапливала силы макиавелловская милитаристская организация. Находясь целиком и полностью на службе империалистических хозяев Веймарской республики, члены «Стального шлема» специализировались на сырье забастовок, разгроме профсоюзов, терроре против компартии и всех демократических сил немецкого народа. Контрреволюционное отребье прокламировало фюреру фашизма.

Но «Стальной шлем» играл еще и другую, также немаловажную роль. По-военному сколоченные и выпущенные отряды «штальгелд» стали надежным резервом известного милитариста генерала Секта и его «черного рейхсвера», а позднее дали гитлеровской армии наиболее закаленные и подготовленные кадры профессиональных убийц. К 1932 году их было уже 200 тысяч, а эти 200 тысяч ждали только команды, чтобы ринуться в грабительский поход за чужими землями и чужим добром. И команда, как известно, последовала...

Умерший в прошлом году бывший второй президент «Стального шлема» Дюстерберг неслучайно до смерти выпустил мемуары под названием «Стальной шлем» и Гитлер. Факты, приведенные в этой книге, неопровержимо доказывают, как ни старался это завуалировать автор, что «штальгелд» были верными слугами Гитлера. Так, например, Дюстерберг признает, что не кто иной, как он сам, получил от руководителя нацистской партии «почетный» привилегированный билет на юнгерский съезд гитлеровцев! Билет был почтен 28.2. Негрудно догадаться, что столь высокая «честь» Дюстерберг удостоился за услуги и помощь, оказанные Гитлеру «Стальным шлемом».

Красноречивы и другие факты. Еще в 1929 году организация Зельте и Дюстерберга вместе с нацистской партией Гитлера образовала единый «национальный блок», направленный против демократических сил немецкого народа.

В 1933 году оба главаря «Стального шлема» послали Гитлеру приветственную телеграмму. В этой телеграмме на все лады превозносились фашистский фюрер, давались заверения в том, что «Стальной шлем» хочет под водительством Гитлера участвовать «в создании восточного фронта».

«Стальной шлем», таким образом, выполнил задачу, возложенную на него германскими реакционерами в период между первой и второй мировых войн. Потом, в годы гитлеровской диктатуры, его самостоятельное существование потеряло смысл.

Правда, гитлеровцы в течение некоторого времени еще сохраняли его остатки под вывеской «Национал-социалистского союза бывших фронтовиков». Затем членов этого «союза» оптом включили в гитлеровскую партию.

Сейчас реваншистская клика Аденауэра поддерживает и опекает банду, организованную милитаристами и именуемую, как и прежде, «Стальным шлемом». Перед ним ставятся при этом прежние цели: борьба против демократических сил немецкого народа, подготовка кадров для новой агрессивной войны. Но размах ныне куда шире. В короткий срок число членов «Стального шлема» достигло 135 тысяч. Его отделения имеются во всех западногерманских землях и в Западной Берлине.

Возглавляет «Стальной шлем» боннский реваншистский перуцилли теперь лицу, перед позорной репутацией которого блеснет фигура Фрица Зельте — основателя «Стального шлема».

Мня нынешнего его председателя — Альберта Кессельринга по праву прозвали миллионными людей в Европе. Руки гитлеровского фельдмаршала Кессельринга обгажены невинной кровью женщин и детей Советского Союза, Франции, Польши, Италии и других стран. Он причастен к самым чудовищным актам гитлеризма — к варварскому уничтожению жителей чешской деревни Лидице и французского селения Орлеан-сюр-Глан. По приказу Кессельринга, в пещерах близ Рима эсэсовцы расстреляли из автоматов 335 мирных граждан итальянской столицы.

Военный преступник Кессельринг изгнан наказания. Правда, в 1945 году английский военный суд приговорил нацистского фельдмаршала к смерти. Однако по настоянию военных властей США смертную казнь Кессельрингу заменили «пожизненным» заключением в... комфортабельной тюрьме в Берле, именуемой тюрьмой. В прошлом году его выпустили. И вот этот палач, гитлеровский последыш, — во главе «Стального шлема».

Кессельринг занял уготованный ему пост, оставивший перед тем репортером реакционных газет следующий циничный заявление: «Мое будущее находится в моем прошлом».

Этот злощастный афоризм ясно указывает, по какому пути следует сейчас «Стальной шлем» под его руководством.

Под старым Кессельрингом и другие главаря этого милитаристского союза — Гейнц Деман — второй президент «Стального шлема», барон фон Ротберг и прочие. Закупленные хозяева «Стального шлема» беззастенчиво выливают на руководящих должностях отъявленных авантюристов, готовых на любое преступление против человечества и собственного народа.

Тяжелый социальный тонус все чаще сотрется улицы и площади западногерманских городов. «Стальной шлем» снова марширует в ногу с другими формированиями восстановительного вермахта...

Наемники преступного блока американских империалистов и германских милитаристов маршируют снова под военным знаменем гитлеровского «рейха». Их нынешняя программа — так называемые «стабилизаторы заповедей». Составленные в нарочито выспренних выражениях, эти заповеди, тем не менее, достаточно ясны: «Стальной шлем» в духе «фронтового товарищества» объединяет военнослужащих бывшей фашистской армии Гитлера, выступающих «за сохранение солдатских традиций», стремится привлечь западногерманскую молодежь «свое собственное понятие о долге и чести, свои знания и опыт закалившихся фронтовых солдат с тем, чтобы немецкая молодежь была способна в будущем взять на себя всю полноту ответственности».

Зная вольную поведку германских милитаристов, нетрудно расшифровать, что именно кроется за этими словесами. А если к «еженедельным заповедям» прибавить множество устных и печатных выступлений главарей «Стального шлема», в которых они высказываются еще более откровенно, то картина получается совсем отчетливой.

На страницах журнала «Дер Штальгелд» — печатного органа этого милитаристского союза — постоянно мелькают, например, такие призывы: «Мы должны создать испытанный корпус командного состава», «доблестное усиление готовности к обороне» (так уж принято у поджигателей войны называть подготовку к агрессии). А в начале июля очередной номер «Дер Штальгелд» вышел с рекордно циничным заголовком: «Мы хотим победоносно разбить Францию». Разжигание реваншистских настроений, провокационные призывы к насильственному отторжению чужих земель, к порабощению соседних народов, — таково постоянное содержание пропаганды, ведущейся «Стальным шлемом».

В рядах этой организации культивируется зверская ненависть к прогрессивным, демократическим настроениям немцам. Типично в этом отношении выступление жестокого Броннига в «Дер Штальгелд». В

статье этого фашиста содержится прямой призыв к физическому расправе над коммунистами и другими активными сторонниками мира и единства страны.

«Стальной шлем» причастен к многочисленным террористическим актам против сторонников мира в Западной Германии, к фашистской провокации 17 июня в Берлине.

Немецкая печать не раз обращала внимание на тот факт, что «Стальной шлем» возродился именно тогда, когда боннская клика реваншистов начала по указке Пенатона усиленно сколачивать новый вермахт, прикрывая это дело дымовой завесой «еврейского оборонительного сообщества». Связь «Стального шлема» с агрессивными планами вдохновителей этого опасного предприятия несомненна.

Близкая к «Стальному шлему» милитаристская «Золотая дивизия» откровенно писала еще в сентябре 1951 года: «Золотая дивизия, бывший некогда вдохновенным борцом против красного потока, не может придерживаться принципа «без меня». На восточной границе Европы нужны сейчас решительные люди. И такой отряд убежденных борцов, вдохновенных идей борьбы против большевизма, — идеал для создаваемого сейчас «Европейского оборонительного сообщества».

Понятно, что в верности подобной «европейской идее» и кланятся руководители «Стального шлема». Так, член его главного правления Гиргензон в интервью корреспонденту западногерманского агентства ДПА заявил, что «Стальной шлем» целиком «поддерживает европейское объединение». О том же заявлял и сам Кессельринг. Откуда, спрашивается, такая позорная любовь к «европейскому объединению» у самых отъявленных германских шовинистов и милитаристов? Она появилась у них по той же причине, по которой за «единение» по американской мерке Европу стоит и Аденауэр. Уж эти-то господа отлично понимают, что такая Европа будет у них под сапогом, а так называемая «европейская армия», подчиненная возрожденному вермахту, позволит им развращать со своими «партнерами» языком ультиматумов и военных приказов.

Понятно, поэтому, что между реваншистами из «Стального шлема» и реваншистами из кабинета Аденауэра существует трогательное согласие. Недаром и резиденция главного правления своего «союза» Кессельринг избрал именно Бонн — штабквартиру западногерманских милитаристов, врагов мира и единства Германии. Так Аденауэр, Бланк, Леру и другим заправлявшим боннской кликой проще поддерживать непосредственный контакт с главарями «Стального шлема», направлять его преступную деятельность. Барон фон Ротберг на одном из собраний штальгелдцев в Ландау с полным знанием дела отметил, что ратификация боннского и парижского милитаристских соглашений создает еще более благоприятные условия для деятельности «Стального шлема», которая ведется, как он выразился, «при поддержке правительства Аденауэра».

«Стальной шлем» платит Аденауэру той же монетой. Его мнимая «беспартийность», политический «нейтралитет» — лишь неуловимая маскировка, рассчитанная на проиставков. Этот вымысел, в частности, полностью разоблачен в ходе нынешней кампании по подготовке и выборам в бундестаг. Сначала член главного правления Гиргензон от своего имени призвал молодежь из «Стального шлема» поддержать на выборах Аденауэра. А вскоре последовало и официальное обращение главарей «Стального шлема» к своим единомышленникам с призывом — голосовать за кандидатов боннского правительства коалиции. Кроме того, «Стальной шлем» оказал и оказывает немало услуг боннской клике, принимая активное участие в разнузданной кампании клеветы и террора против патриотов, сторонников мира и единства Германии.

Германские милитаристы и их заокеанские покровители хорошо знают, как велико и сильно в массах немецкого народа стремление к миру, к объединению Германии мирным путем. Поэтому-то даже главаря «Стального шлема» вынуждены время от времени вносить в свои реваншистские выступления лживую долю фальшивой демократии. Так они пытаются усыпить бдительность немецкого народа, сумевшего сделать выводы из уроков собственной истории. К числу подобных демократических затей последнего времени относится, в частности, так называемое «Гиссенское послание». В этом документе, принятом 11 июля на съезде «Стального шлема» в Гиссене, наряду с обычными реваншистскими призывами, имеются и камуфляжные слова о «верности демократии». Авторы «послания» признали ошибочным принятое ранее решение не допускать в «Стальной шлем» членов профсоюзов.

Это последнее заявление особенно любопытно. Запугивая за западногерманскими профсоюзами, вожаки «Стального шлема» явно заботятся о расширении контингентов своей милитаристской организации. Они лезут из кожи вон, чтобы любой ценой напихать военную форму на западногерманских трудящихся.

Однако в Западной Германии ныне мало охотливых проливать кровь за барыши Крупна и его заокеанских партнеров. Усилавшаяся борьба за создание единой, демократической, миролюбивой Германии, яркий пример Германской Демократической Республики, творящей с бескорыстной помощью Советского Союза мирную и счастливую жизнь для немецкого народа, — вот факторы, которые оказывают все более сильное влияние на мысли и поступки рядовых немцев в Западной Германии. В таких условиях ставка на «Стальной шлем» — плохая ставка. Она, как и вся политика Аденауэра и ему подобных врагов мира, врагов единства немецкого народа, в конечном счете неминуемо потерпит крах.

М. КАРПОВИЧ

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Датская газета «Информашон» в статье под заголовком «Датские нацисты снова поднимают голову», опубликованной 8 августа 1953 года, пишет:

**Information
De danske nazister
rejsrer hovedet igen**

Somtidig med, at nynazistiske organisationer skyder op i Vest-Tyskland som pudske, og tidligere nazister oprettes som hestridt, lader det tyske forbundede dages, lader det til, at de danske nazister har rejst hovedet igen. I de seneste dage er der kommet et nyt nummer af «Fædrelandet».

«Одновременно с тем, что неонацистские организации вырастают в Западной Германии, как грибы-поганки, и бывшие фашисты выдвигаются в качестве кандидатов на выборах в немецкий бундестаг, похоже, что и датские нацисты снова подняли голову. Совсем недавно вышел новый номер «Федераленд»...»

Далее в статье говорится по поводу «Федераленд»:

«Вчера отпечатана на ротаторе, наподобие тем же типичным заголовком, что и прежняя «Федераленд», с изображением фюрера выкинуто и свастикой. На последней странице указывается, что эта газета является боевым органом ДНСПА и что контора партии и редакции находится на улице Санкт Кундсвей, дом 5, третий этаж, справа».

Комментарии излишни!

1 «Федераленд» — орган датской фашистской партии, прославившейся Гитлера в годы немецкой оккупации Дании.
2 ДНСПА — датская фашистская партия.

Выставка немецкого плаката

Одним из интересных событий в культурной жизни румынской столицы явилась выставка «Плакат в Германской Демократической Республике», устроенная недавно в Бухаресте.

Представленные здесь работы немецких графиков разнообразно отражают строительство новой жизни в Германской Демократической Республике, борьбу за единую, демократическую Германию, за мир.

Радость побед, достигнутых в восстановлении народного хозяйства, стремление не-

Плакат «Вчера и сегодня» работы немецких художников Эриха Рол и Герхарда Фойта, представленный на выставке в Бухаресте. «Сегодня: здоровая семья — счастливое будущее. Благодаря закону об охране материнства и младенчества и правах женщины» — гласит надпись на плакате.

меческого народа к миру выразил художник Гюнтер Шинтти в плакате «Металл и уголь дела мира».

Плакат художника Вилли Шуберта призывает трудящихся к участию в реконструкции Берлина. Плакаты «Ами, гоу хом!», выполненные Вильмом Ригенрингом, «Гонка вооружений за счет народа» Элизабет Шоу и другие отражают протест народных масс против реинтеграции Западной Германии.

Много работ посвящено темам искусства и культурного строительства в ГДР. «Искусство принадлежит народу» — так назван плакат, на котором изображен Дом культуры при заводе «Макс-хотте». Серия плакатов популяризирует художественные выставки, отдельные театральные постановки.

Как отмечает румынский еженедельник «Коммунар», плакаты немецких графиков отличаются разнообразием тематики, богатством композиции, органическим единством текста и образа, живыми, выразительными красками. Выставка в Бухаресте наглядно демонстрирует успехи немецких художников в области плакатного искусства за последние годы, служит укреплению культурных связей между Румынской Народной Республикой и ГДР.

На чехословацком курорте

По обоим берегам красавицы Изеры в Турновожато тянутся сказочно-живописные места. Когда-то здесь возвышались феодальные замки Фридштейна, Троска, Вацлавштейна. Теперь от них сохранились только развалины, напоминающие о временах господства феодалов. Это край холмов, величественных скал и очаровательных тихих долин.

«В этом чудесном крае», — рассказывает газета «Руде пратво», — на одном из холмов расположился дом отдыха имени Николаша Алена — один из шести профессиональных домов отдыха, где проводит свой отпуск матери-работницы с детьми. На опушке леса, у развалин замка Фридштейна, всегда очень весело. Матери танцуют с детьми, поют песни. Самые маленькие играют в мягкой траве.

— Тут прекрасно, — говорит Дворжакова из Жаждерка, мать троих детей. — Еще никогда я так не отдыхала».

В. САМСОНОВ

ЯПОНСКИЕ В ПЕЧАТЛЕНИЯ

Нарядные центральные улицы японской столицы еще обаяют своим, а на окраинах уже зарождаются кипучая жизнь. Электрические поезда, с грохотом пересекающие Токио в разных направлениях, развозят первых пассажиров. Это поенные рабочие. На них не увидишь ярких и красочных кинонов. В заносенных армейских кителях, в студенческих куртках или рваных черных плащах спешат они на биржу труда к открытию. Плотная гудящая масса людей постепенно заполняет привокзальную площадь Сибуйа и прилегающие к ней улицы. Взоры безразличных, в них — ожидание и тревога, устремлены на ворота биржи...

Под железнодорожным мостом — царство мусорок. За горами разного хлама не сразу заметишь их убогие жилища — черные железные ящики, крытые кусками рогожи. Но для многих и такие жилища — недоступный роскошь. С первыми лучами солнца целая армия нищих поднимается с тротуаров, обочин дорог, парковых скверов, которые служили им постелью. В грязных лохмотьях, с корзинками и паками, специально приспособленными для подбирания окурков, бродят они толпами и в одиночку, выпрашивая милостыню.

У мусорных свалок играют дети. Рожденные в стране, где много солнца, свои детские годы они проводят в полумраке кривых улочек, на грязных мостовых и в открытых сточных канав, полных зловонных испарений. Большинство из них прямо с мостовых, заменяющих им яси и детские сады, попадает на фабрики и заводы. Четвертая часть всех японских рабочих — это дети и подростки, чей труд обходится хозяевам вдвое и втрое дешевле.

Как-то в буржуазной газете «Токио пингвин» я прочитал рассказ молодой девушки с текстильной фабрики в префектуре Аичи, поведавшей о своем безрадостном житье: «Рабочий день продолжается от 6 утра до 8 вечера, часто заставляют работать до 12, а то и до часу ночи. За весь месяц получаю один-два выходных дня... Вся еда — отходы риса и немного овощей. Мы забыли даже запах мяса и рыбы... Одна подушка на двоих».

Объяснение катастрофическому положению, в каком попал японский народ, очень простое. Прошло восемь лет со дня разгрома Советской Армией главных сил милитаристской Японии. Все эти годы США, нарушив соглашения, заключенные между союзниками в военное время и в послевоенный период, проводят политику подавления национальной независимости страны, разоружения ее в военных плацдарм, в очаг новой войны. Опираясь на американские агрессивные силы, японские милитаристы действуют все более открыто. 70 процентов бюджета прямо или косвенно расходуется на перевооружение страны. Возрастающие из года в год налоги — сейчас они отнимают у рабочих почти половину заработной платы — идут фактически на содержание американских оккупационных войск и так называемого «корпуса национальной безопасности», под вывеской которого воссоздается японская армия.

В то же время на протяжении всех послевоенных лет не ведется жилищное строительство, свертываются мирные отрасли промышленности. Одновременно направление внешней торговли, контролируемой США, и непрерывно суживающийся внутренний рынок обостряют экономические трудности. Искусственно созданный военнопольный бум вывел только американским монополистам и японским крупным капиталистам, называющимся на голые вооружения.

Впрочем, определенные круги буржуазии начинают понимать, что порочный экономический курс правительства в конце концов неизбежно приведет к кризису. Все чаще повторяются случаи, когда заболелые трезвые представители деловых кругов требуют восстановления экономических связей с Китаем и Советским Союзом.

— Япония не может нормально существовать в экономическом отношении, — заявил однажды президент крупнейшей торговой фирмы «Окура» г-н Имаи, — без расширенной торговли с соседними странами. Поэтому мы должны быть готовы к возобновлению торговли с ними при первом же благоприятном моменте. Сейчас же нужно вести переговоры...

В прошлом году, по инициативе группы делцов, была организована японо-китайская торговая ассоциация, объединившая до 100 торговых и промышленных фирм. Эта ассоциация заключила торговое соглашение о товарообороте между Японией и Китайской Народной Республикой на сумму 30 миллионов фунтов стерлингов с каждой стороны. Окажись этого эффекта — экономического и политического, — который дала бы реализация подобного соглашения, правительство Носиды официально запретило и аннулировало заключенную ассоциацией сделку.

В начале этого года представитель фирмы «Окура» г-н Хонда, по поручению того же Имаи, выступил на собрании Общества японо-советской дружбы. Г-н Хонда публично заявил о неотложной необходимости установить торговые связи с соседними странами, независимо от того, желают этого США или нет. На собрании присутствовало около 400 человек, в том числе представители печати и деловых кругов, деятели культуры и науки, члены парламентов. В своих выступлениях все они подчеркивали, что движение за торговлю с Китаем и СССР является в настоящее время самым популярным в стране.

Американские представители в Токио всеми способами противодействуют этим настроениям. К каким крайним средствам они при этом прибегают, показывает хотя бы история с увеличением заработной платы. С плакатами, на которых написаны их требования, рабочие на велосипедах проезжают по деловому району Токио.

Симок из американской газеты «Сент-Луис пост-диспетч»

прибегают, показывает хотя бы история с президентом фирмы «Тамоя» Сакурай. Неизрядно на запрет, он отправился в Пекинь и подписал там контракт на импорт соевых бобов и корма для свиней в обмен на велосипеды. Находясь в Китае, Сакурай принял участие в Конгрессе народов стран Азии и Тихого океана в защиту мира. По возвращении в Японию встретить его в порту Модзи собрались толпы людей, прибили корреспонденты многих газет. В американском посольстве «нежелательное» поведение президента фирмы «Тамоя» вызвало переполох. С помощью японской полиции он был снят с парохода и под конвоем доставлен в Токио.

...Волы массива больших домов, обнесенных кирпичными стенами, тут и там разрушающихся вывесками на английском языке, тянется широкая асфальтированная магистраль. Стремительно несется по ней армейские грузовики, штабные машины, автобусы с различными знаками вооруженных сил США. На перекрестке — американский полицейский, регулирующий движение. На шее у полицейского повязан шарф альпийского цвета, чтобы блестящий порядок был виден издалека. По тротуарам, группами и в одиночку, бродят взад и вперед американцы. Отсюда слышится английская речь.

Американские засилье является сущим несчастьем для Японии. Оно дает себя знать во всех без исключения областях политики, экономики, культуры и быта. Газеты ежедневно несут сообщения о преступлениях, совершаемых американскими военнослужащими. По словам газеты «Майничи», в Японии преступления совершаются иностранными солдатами быстрее, чем могут о них сообщать газеты. Вот некоторые из этих сообщений: «Американский солдат ударил японского водителя такси по голове пивной бутылкой и убежал, не уплатив за проезд»; «Два американских солдата изнасиловали японскую учительницу»; «Японец американского солдата ворвался ночью в закрытое кафе и, в ответ на просьбу хозяина уйти, перебила все окна».

Однажды я побывал на Канда — традиционном районе по торговле литературой в Токио. Американские издания проникли и сюда. На витринах книжных лавок и киосков прежде всего брошюры в глаза ярким обложкам журналов «Лайф», «Колер», «Таймс», «Ньюсвик». Полки заставлены американскими детективными романами, комиксами, порнографической макулатурой. Многие из них продаются в переплетах на японский язык. Достать же книги некоторых японских авторов, например прогрессивных писателей Токунуга и Такакура Тару, очень трудно.

Заглянув в один из магазинчиков, я увидел людей, читающих книги у прилавков или прямо на полу.

— Это не покупатели, — усмехаясь объяснил продавец. — Студенты...

Разве мы в состоянии заплатить 1000—1500 иен за «жизнь»? — объяснил молодой человек в заплатанной студенческой куртке. — Вот и приходится большую часть дня проводить здесь.

1500 иен — это примерно седьмая часть месячного заработка высококвалифицированного рабочего!...

Из дальнейшего разговора выяснилось, что студент является членом демократической молодежной организации. Недавно в числе многих других он был жестоко избит полицейскими во время разгона демонстрации. По его словам, с ним это случилось не в первый раз — натерпевшиеся в специальных школах американскими инструкторами полицейские разгоняют дубинками любой митинг, демонстрацию.

Незадолго до отъезда из Японии мне случайно довелось стать очевидцем разгона полицейскими стихийно возникшего митинга. На площади Сибуйа, у бронзового памятника «Верной собаке Хатико», несколько человек собирались подписать под воззванием против перевооружения страны. Вокруг них собрались группы людей и через некоторое время возник импровизированный митинг. Откуда ли возник, появлялись три белых грузовика с полицейскими. Привычно орудуя дубинками, они попытались рассеять толпу.

На какое-то мгновение площадь опустела. Казалось, что полицейские одержали полную победу. Но стоило им только рассесться по своим грузовикам, захватив с собой несметные изобилия в кровь арестованных, как люди снова стали собираться у памятника. Через 10—15 минут над площадью вновь разнеслись лозунги: «Долой перевооружение!», «Долой иностранных оккупаторов!», «Японский народ может и будет хозяином своей судьбы!»...

С этой решимостью и мужественной уверенностью простых людей Японии, испытавших на себе все ужасы войны и все беды иностранной оккупации, мне приходилось сталкиваться буквально на каждом шагу. Все громче и громче звучит ныне голос японского народа, поднимающего борьбу за национальную независимость, за мир.

Демонстрация японских железнодорожников, требующих увеличения заработной платы. С плакатами, на которых написаны их требования, рабочие на велосипедах проезжают по деловому району Токио.

Симок из американской газеты «Сент-Луис пост-диспетч»

Наемные солдаты нового вермахта принимают присягу в Кобурге (Западная Германия)

Снимок из швейцарской газеты «Дн тэт»

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета), Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), Н. ПОГОДИН.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30